
ПОЛИТИЧЕСКОЕ МАНИПУЛИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Н.О. Королев

Кафедра истории и теории политики
Волгоградский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
ул. Гагарина, 8, Волгоград, Россия, 400131

В статье обосновывается необходимость и возможность включения категории политического манипулирования в категориальный аппарат теории политических систем в качестве одного из понятий, при помощи которого объясняются механизмы поддержания устойчивости политической системы в условиях современной политической коммуникации.

Ключевые слова: политическое манипулирование, политическая система, политический процесс, политическая коммуникация.

Проблемы коммуникации власти и общества в современной России становятся наиболее обсуждаемой темой общественно-политического дискурса. Актуальность этой проблематики следует из фактов социально-политической действительности. Во-первых, это заметный рост протестного движения в 2010—2012 гг., во-вторых, негативные реакции общественности на значимые инициативы власти в сфере образования, медицины, экономики, обороны, юстиции; в-третьих, падение уровня доверия как к институтам власти, так и к персоналиям, фиксируемое опросами общественного мнения, в частности, за первую половину 2012 г.

Одной из популярных концепций, с помощью которых описывают коммуникации власти и общества, является концепция политического манипулирования. Она претендует на статус наиболее правдоподобной версии, описывающей механизм господства управляющего меньшинства над большинством в современном мире. На тему манипуляции, в последнее время заслужившую широкую популярность, опубликован большой объем научных исследований, защищены десятки диссертаций в филологии, психологии, социологии, философии, политологии. В политическом аспекте здесь опорными являются работы А. Грамши, С. Московичи, Г. Шиллера, У. Рикера, а также С. Кара-Мурзы, А. Цуладзе (см.: [3; 9; 12; 15; 6; 11]).

В результате интенсивной проработки проблематики манипуляции сложилась определенная традиция понимания этого коммуникативного феномена и описания его механики. Вместе с тем концептуального раскрытия проблема политического манипулирования все еще не имеет.

Четко не определено место политического манипулирования в системе политических категорий, нет ясности в вопросе об идентичности понятий «политическое манипулирование» и «манипуляция сознанием». Со времени публикации Г. Шиллера новых идей, концептуальных разработок в познании политического манипулирования не появилось.

Исследователи идут по пути оттачивания формулировки о скрытом управлении сознанием и подбора эмпирических свидетельств соответствия данного по-

нения событиям политической жизни. Наибольшая доля фактов относится к избирательным кампаниям, богатым на разнообразие политической активности при поддержке всех средств массовой информации.

Политологические исследования выявляют наиболее явные связи политического манипулирования с избирательными технологиями и со средствами массовой информации постольку, поскольку изучение этих связей может опираться на какую-то эмпирическую базу (см.: [1; 2]).

Несмотря на то что в науке известны зарубежные исследования, опровергающие неоспоримую эффективность технологий политического манипулирования в избирательных кампаниях (см.: [10; 13; 14]), выводы большинства отечественных исследований (см.: [6; 11; 8; 7]) сводятся к стереотипным установкам: политическое манипулирование используется тотально и неотвратимо, заинтересованно обеспечивается средствами массовой информации, влечет негативные следствия.

Можно констатировать, что проблема политического манипулирования в современном политологическом дискурсе маргинализирована и мистифицирована. Она теоретически не встроена в систему политических отношений, при этом, с одной стороны, манипулированию не определено его «законное» место в теории политики, а с другой — оно тотально охватывает всю политическую сферу, и шире — все общество. Эта неопределенность мешает: а) пониманию объективных оснований существования политического манипулирования как феномена современной политики, б) описанию его реальных параметров, в) определению его системных связей.

Такое состояние теории не может быть признано ни удовлетворительным, ни безобидным, поскольку мистифицированное понятие политического манипулирования, прочно закрепившись в общественно-политическом дискурсе, служит популярным инструментом описания воздействия власти на общество.

В ранге научной концепции этот инструмент имеет все черты пропаганды определенной мировоззренческой установки, согласно которой тотальность и изощренность манипуляций в политике не оставляет объекту манипуляций надежды на возможность легальной реализации своих политических интересов.

В этой связи прояснение реальных черт феномена политического манипулирования, устранение мистицизма и тотальности из его дискурсивной традиции является актуальным, как для политической теории, так и для политической практики.

Осознание актуальности проблемы теоретической идентичности политического манипулирования ведет к задаче по встраиванию его в систему политических процессов, к определению связей политического манипулирования с областями политологической специализации и его места в исследовательском поле современной политологии.

Чтобы определить место феномена в политической системе, логично обратиться к системной методологии. Как известно, методы системного анализа к изучению политических систем адаптировал Д. Истон. При помощи системной методологии он планировал раскрыть «фундаментальные функции, без которых ника-

кая система не может длительное время существовать, а также типичные способы реакций, с помощью которых системам удается их поддерживать» [5. С. 319].

Его работа «Категории системного анализа политики» удобна тем, что может быть использована в качестве функциональной схемы размещения феномена политического манипулирования в ряду понятий системной теории политики.

Д. Истон рассматривал политическую систему «в физическом, биологическом, социальном и психологическом окружениях», указывая на то, что из них «исходит постоянный поток событий и акций, определяющих условия, в рамках которых элементы политической системы должны действовать» [5. С. 320]. Данная конструкция может объяснить то обстоятельство, что системные исследования в политологии неизбежно принимают пограничный или междисциплинарный характер, и позволяет понять причину нередкого отклонения политических исследований манипулирования в области психологии, социологии и филологии.

Ключевым качеством политической системы Д. Истон обоснованно называл адаптивность, гибкость, способность приспосабливаться к изменениям внешней среды (совокупность упомянутых выше окружений). Следовательно, первостепенную значимость для систем имеют факторы, обеспечивающие ее адаптивность. Это «самые разнообразные механизмы, с помощью которых им удается справляться с возмущающими воздействиями среды. Посредством этих механизмов они могут регулировать свое поведение, трансформировать внутреннюю структуру и даже изменять фундаментальные цели» [5. С. 320].

Неоспоримым является тот факт, что эта особенность политических систем может рассматриваться в качестве центрального компонента. Процесс адаптации системы включает множество разнообразных действий, «с помощью которых происходит модификация, осуществляются фундаментальные изменения и контроль внешней среды, самой системы или того и другого вместе. В итоге система приобретает способность успешно парировать или амортизировать любые потенциально стрессовые для нее воздействия» [5. С. 322—333].

Не удивительно, что среди подобных действий, направленных на приспособление системы к внешним условиям, могут встречаться неожиданные и малопривлекательные варианты, в том числе и манипулирование. Но, отвечая на вызовы среды, политическая система будет руководствоваться в выборе средств исключительно их эффективностью и ничем иным.

Особое внимание Д. Истон обратил на то, что следует понимать под нормальным состоянием системы. Этот вопрос важен постольку, поскольку от этого зависят параметры средств, обеспечивающих такое состояние. Анализируя понятие «стабильности» применительно к политическим системам, Д. Истон считает малопродуктивным исследовательский подход, в котором под нормой понимается стабильность, а, соответственно, стремление к стабильности — ключевой вектор движения системы. При этом автор использует сложную многоуровневую аргументацию, которая в переводе с системного языка может быть выражена следующим образом: по аналогии с живым организмом, воспроизводство в системе характеризуется как созидательными, так и разрушительными процессами: «...отдельные элементы системы, — писал Д. Истон, — могут иногда осуществлять

действия, способствующие разрушению предшествующего состояния равновесия, или даже поддерживать перманентное состояние неравновесия. Типичным случаем подобного рода является, например, тот, когда власть стремится сохранить свое положение, поддерживая внутреннюю нестабильность или преувеличивая внешнюю угрозу» [5. С. 322].

Продуктивность такого понимания в том, что понятие нормального состояния для политической системы изменяется в зависимости от конкретно-исторических условий, что существенно расширяет поле научного поиска, вынуждая принимать в расчет для определения нормы актуальные факторы внешней и внутренней среды системы. В этой связи целевая ориентация на стратегическую стабильность политической системы таит в себе перманентную угрозу перерастания стабильности в ригидность и утраты ключевого атрибута приспособляемости системы к изменяющимся условиям. Надо помнить, что политическая система — это одна из подсистем общества, движение которого носит более фундаментальный характер по сравнению с его подсистемами.

Любопытный довод Д. Истон привел в пользу неравновесной динамики политических систем: «Невозможно понять процессы, обеспечивающие способность того или иного типа политической жизни воспроизводить себя, если ее цели или форма реакции со стороны общества считаются наперед заданными» [5. С. 321]. То есть если поведение общества предопределено, будучи запрограммированным политической системой, то понять, для чего ей средства и механизмы поддержания устойчивости и чем обусловленные ее внутренние процессы, невозможно. Наконец, «совершенно очевидно, — писал Д. Истон, — что принятие анализа равновесных состояний в качестве методологической основы, хотя бы и в неявной форме, затрудняет обнаружение тех целей системы, которые не могут быть сведены к достижению состояния равновесия» [5. С. 322].

Таким образом, Д. Истон обоснованно отклоняет понятие стабильности системы как ее целевую максиму. Это представляется логичным, так как существование системы, то есть способность воспроизводиться, несравнима более ценно, чем ее особое состояние — стабильность.

К вопросу о том, чем обеспечивается способность выживания системы, в условиях, когда существует огромное множество типов активности внутри политической системы, у Д. Истона выделяется два подхода выделения тех типов активности, которые важны для понимания способов выживания систем.

Первый — это приведение в действие общего системного свойства политической системы «в той или иной степени справляться со стрессом своих существенных переменных» [5. С. 325].

Таковыми существенными переменными Д. Истон называет «предложение ценностей обществу» и «частоту их признания». В тексте этого нет, но по смыслу понятий одно из них является внутренней переменной, а другой — внешней, причем их взаимозависимость очевидна, так как вторая переменная представляет собой меру первой.

Как пишет Д. Истон, «способность системы отвечать на стресс имеет решающее значение. Тип ответа системы позволяет оценить вероятность того, что

она сумеет преодолеть ситуацию стресса. Вопрос о характере реакции политической системы на стресс может продуктивно исследоваться в рамках системного анализа политической жизни. Особенно перспективным можно считать изучение поведения элементов политической системы в том отношении, насколько будет усугублять или смягчать стресс ее существенных переменных это поведение» [5. С. 325—326].

Второй подход состоит в упрощении и организации эмпирических данных о поведении элементов системы, то есть представление о том, как «входы» в систему преобразуются в то, что можно назвать «политические выходы» (к которым Д. Истон причисляет решения и действия властей). «Выходы» не только воздействуют на окружение политической системы, но и позволяют определять и корректировать в каждом новом цикле взаимодействия соответствующие “входы” системы» [5. С. 328]. То есть выживаемость политической системы обеспечивается организацией обратной связи системы со средой.

Власти, по Д. Истону, это тот элемент политической системы, который выступает от имени или во имя системы, обеспечивая коллективное действие: «Если необходимо осуществить действия по удовлетворению некоторых требований или создать условия для такого удовлетворения, информация о результативности „выходов“ должна достигать хотя бы этих властей. При отсутствии информационной обратной связи о происходящих в системе процессах власти будут действовать вслепую. Наличие обратной связи оказывает тем самым существенное влияние на способность политической системы справляться со стрессом и выживать» [5. С. 329—330].

Современники могли наблюдать политические процессы похожего формата в России. Например, подобным шагом было создание одним из кандидатов на пост Президента РФ в 2012 г. политической организации в виде Народного фронта, на которую он опирался в своей предвыборной кампании, несмотря на то, что оставался при этом лидером крупнейшей российской политической партии, имевшей большинство как в высшем представительном органе власти, так и в региональных и местных законодательных собраниях. Аналогичным по форме месседжем обществу была инициатива председателя Правительства РФ (тоже в 2012 г.) о создании так называемого открытого правительства. Есть и другие похожие примеры «посланий», адресованных обществу, которые можно интерпретировать как попытку власти реализовать форму обратной связи с обществом.

Как мы увидели, и в первом и во втором подходе Д. Истон прямо или косвенно указывает на механизм обратной связи, обеспечивающий адекватность политической системы окружающей ее среде, но в первом случае представляет его в виде системного свойства, а во втором, — в качестве инструмента организации внутреннего порядка, используемого властью.

Нельзя не заметить разницу в этих подходах, которая, по нашему мнению, объясняется тем, что власть не имеет у Д. Истона четкой конкретизации в качестве ядра политической системы. От введения этого понятия описание структуры политических отношений, вероятно, усложняется, но зато становится понятной двойственность форм взаимодействия системы с внешним окружением.

По крайней мере, второй подход раскрывает представление Д. Истона о субъекте действия в политической системе и его инструменте. Он писал, что «важным является допущение о том, что для того, чтобы выжить, система должна быть способна отвечать с помощью действий, устраняющих стресс. Действия властей имеют ключевое значение в этом отношении. Но для действий, причем осмысленных и эффективных, власти должны иметь возможность получать необходимую информацию о происходящем. Обладая информацией, власти могут быть способными обеспечивать в течение некоторого времени минимальный уровень поддержки системе» [5. С. 330].

Таким образом, Д. Истон определил круг понятий теории политических систем: *окружение; возмущающее воздействие (политические входы): требования и поддержка; стресс; существенные переменные: предложение ценностей обществу, частота их признания; критические значения; обмены; транзакции; политические выходы: решения и действия властей.*

Благодаря этому стало возможным выстроить ряд условий жизнеспособности политической системы: а) предмет угрозы системе (существенные переменные: предложение ценностей обществу, частота их признания), б) способы действия (обратная связь), в) направление действия (во внешнее окружение), г) субъект действия (власти), д) инструменты действия (политические выходы: решения и действия властей).

Но, как отмечал сам Д. Истон, ключевой проблемой политической теории является не просто разработка концептуального аппарата для понимания факторов, влияющих на все типы решений, принимаемых в системе, важнее с теоретической точки зрения «...объяснить, с помощью каких механизмов системе удастся выживать в течение длительного времени и как она преодолевает стресс, который может наступить в любой момент» [5. С. 330].

Для того чтобы ответить на этот вопрос, который относится к пониманию специфики механизмов и средств поддержания гомеостаза политической системы, о том, как они действуют, требуется углубление в конкретику политических процессов, что является отдельным предметом исследования. В данном случае нам важно сделать первый шаг: установить идентичность одного из предполагаемых механизмов этого процесса.

Политическое манипулирование традиционно относят к управляющему, внешнему воздействию политической системы. Если принять во внимание также неявный характер воздействия, приписываемый политическому манипулированию, то решения и действия властей к нему отнести нельзя. Таким образом, его условно можно поместить в числе актов «поведения элементов политической системы, смягчающего стресс ее существенных переменных», а именно проблемы предложения ценностей обществу и проблемы, вызванные снижением уровня их признания. Власти необходимо предложить обществу релевантные ценности, а также добиваться их поддержки большинством. Для этого нужны специфические инструменты, в числе которых можно назвать политическое манипулирование.

Таким образом, наша версия состоит в том, что политическое манипулирование есть одно из средств, при помощи которых власть решает задачу обеспечения поддержки обществом транслируемых ею ценностей, то есть мобилизует

на свою сторону простое большинство общества, получая тем самым право мобилизовывать к поддержке остальную часть, но уже другими средствами.

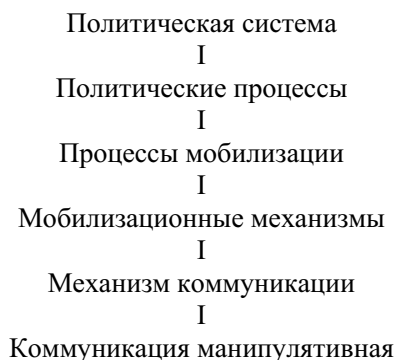
Опыт применения системной матрицы Д. Истона для выяснения диспозиции категории политического манипулирования относительно других категорий позволяет сделать вывод о том, что в общем плане политическое манипулирование играет свою роль в поддержании непрерывного функционирования политической системы в качестве одного из средств мобилизации поддержки, обращенных во внешнюю среду.

Конкретизация механики этого процесса на данном уровне далее невозможна. Следующий уровень теоретической конкретизации достигается применением теории политической коммуникативистики. Это течение получило свое развитие позднее системного анализа, особенно в последней четверти XX в. в связи с широким применением интерактивных информационных средств.

Одним из ведущих экспертов по теории политической коммуникации является М. Грачев. Он доказал, что политическая коммуникация имеет двойственный характер: она одновременно выступает и как функция политической системы, и как составляющая политического процесса. М. Грачев при этом особенно выделил функциональный компонент политической системы, который обеспечивает ее антиэнтропийную гомеостатическую устойчивость как целостного образования, находящегося в непрерывном взаимодействии с изменяющейся социальной средой [4. С. 288—289]. Тем самым М. Грачев именно в средствах политической коммуникации видит инструмент поддержания непрерывного функционирования политической системы.

Таким образом, коммуникативный характер политического манипулирования добавляет и конкретизирует его статус средства мобилизации условиями информационного, вербального, интерактивного взаимодействия с внешней средой.

Определение места процесса политического манипулирования, его отраслевой, функциональной классификации, направленности процесса позволяет изобразить схематически расположение политического манипулирования в политической системе по нисходящей иерархии следующим образом:

Такая расстановка позволяет, на наш взгляд, натурализовать политическое манипулирование в статусе научной категории, включив его в систему научного знания о политических процессах, что позволяет продвинуться дальше в изучении этого важного феномена современной политической жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Богачева Е.А.* Политическое манипулирование в условиях электоральных кампаний (на примере Ставропольского края): Дисс. ... канд. полит. наук. — Ставрополь, 2006.
- [2] *Горбачев А.А.* Манипулирование электоратом в избирательном процессе современной России: Дисс. ... канд. полит. наук. — М., 2011.
- [3] *Грамиш А.* Избранные произведения в трех томах. — М., 1956—1959.
- [4] *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. — М., 2004.
- [5] *Истон Д.* Категории системного анализа политики // *Политология: Хрестоматия* / Сост.: М.А. Василик, М.С. Вершинин. — М., 2000.
- [6] *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. — М., 2006.
- [7] *Колесников Е.А.* Механизмы легитимации технологий политического манипулирования: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — Ростов-на-Дону, 2011.
- [8] *Моисеев А.Н.* Средства массовой информации и общественное сознание. — Чебоксары, 2009.
- [9] *Московичи С.* Век толп. — М., 1996.
- [10] *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. — СПб., 1999.
- [11] *Цуладзе А.М.* Большая манипулятивная игра: Технологии политических манипуляций в период выборов 1999—2000 гг. — М., 2000.
- [12] *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. — М., 1980.
- [13] *Graber D.A.* Mass Media and American Politics. — Washington, D.C., 2002.
- [14] *Media Gratifications Research: Current Perspectives* / Eds.: K.E. Rosengren, L.A. Wenner, P. Palmgreen. — Beverly Hills, Calif., 1985.
- [15] *Riker W.H.* The art of Political Manipulation. — New Haven, 1986.

POLITICAL MANIPULATIONS IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE ON POLITICAL PROCESSES

N.O. Korolev

Department of the History and Theory of Politics
Volgograd Branch of the Russian Academy
of National Economy and State Service
Gagarina str., 8, Volgograd, Russia, 400131

The article brings basis under the idea of including the category of political manipulations into the conceptual scope of the political systems theory. The concept should be employed as one of the concepts in describing tools that keep balances of the political system in conditions of modern political communications.

Key words: political manipulations, political system, political process, political communications.